

ПОСЛѢДНЯ ТРИ СТИХОТВО- РЕНІЯ А. С. ПУШКИНА.

I.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1836.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіяль, шумѣль и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсно сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче и смѣльѣй;
Мы пили всѣ за здравіе Надежды
И Юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣль, утихъ, остепенился;
Сталъ глуше звонъ его задравныхъ чашъ;
Межь нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ;
И рѣже смѣхъ средь пѣсень раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день заветный;
Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ—нѣтъ!—Промчалась четверть вѣка;
Не сътуйте: таковъ судьбы законъ;
Вращается весь мѣръ вокругъ человѣка,
Уже-ль одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!...
Игралица таинственной игры,
Метались смущенные народы,
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ Царицынъ,
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей;
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала, еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа,
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: текла за ратью рать;
 Со старшими мы братьями прощались,
 И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
 Завидуя тому, кто умирать
 Шель мимо насъ... И племена сразились,
 Русь обняла кичливаго врага,
 И заревоиъ Московскимъ озарились
 Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
 Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
 Какой восторгъ тогда предъ Нимъ раздался!
 Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ Онъ,
 Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
 Вы помните, какъ оживились вдругъ
 Сіи сады, сіи живыя воды,
 Гдѣ проводилъ Онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ Его—и Русь оставилъ Онъ,
 Взнесенну имъ надъ міромъ изумленнымъ;
 И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ
 Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
 И новый Царь безстрашный и могучій
 На рубежѣ Европы бодро сталъ;

. . . . .

(*Конца нѣтъ.*)

II.

МОЛИТВА.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольныхъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ;
Но не одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста;
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжить невѣдомою силой:
Владыко дней моихъ! духъ праздности унымой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрїя мнѣ въ сердцѣ оживи.

III.

ОТРЫВОКЪ.

Опять на родинѣ! я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо
И кажется вечеръ еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.—

Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ, и глядѣлъ
На озеро, вспоминая съ грустью
Иные берега, иные волны ...
Межъ нивъ золотыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой

Убогой неводь. По брегамъ отлогимъ
 Разсѣяны деревни; тамъ за ними
 Скривилась мѣльница, насилу крылья
 Ворочая при вѣтрѣ . . . . .

На границѣ
 Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ въ гору подымается дорога
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоять одна по одалъ, двѣ другія
 Другъ нѣ дружкѣ близко, здѣсь, когда ихъ мимо
 Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
 Знакомымъ шумомъ вѣтеръ съ ихъ вершинъ
 Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
 Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
 Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣже,
 Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ,
 Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
 Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
 Теперь младая роща разрослась;
 Зеленою семьей кусты тѣснятся
 Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
 Стоять одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
 Какъ старый холостякъ, и вокругъ него
 По прежнему все пусто.—

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнь,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракъ ночи
И обо мнѣ вспоманетъ.....

А. Пушкинъ.

